

Содержание

1. Гитлер в отеле «Империал», 1938	9
2. Художник, эрцгерцог, император	22
3. Это что, еврей?	31
4. Лев и овечка	44
5. Гранитное основание	57
6. Шпион, уклонист, миротворец	69
7. Судьба	81
8. Неумолимый рок	93
9. Тупое оцепенение	106
10. Изгнанники	122
11. Златоуст среди демагогов	133
12. Ужасы надвигаются	146
13. Одна кровь – одно государство	158
14. Шабаш ведьм	171
15. Противоборство	183
16. Сделка с дьяволом	198
17. Одиннадцатая заповедь	210
18. Апокалипсис	220
19. «Вся страна как будто оказалась под властью заклятия...»	229
20. Призраки и патриоты	241
21. Молитвы услышанные и неслышанные	255
22. Подвиг добрый	266
23. Судьба одного семейства	273
<i>Слова благодарности</i>	281
<i>Примечания</i>	284
<i>Библиография</i>	331
<i>Основные места проведения исследования</i>	348

1

Гитлер в отеле «Империял», 1938

14 марта 1938 г., вечером, в половине шестого, серо-черный «мерседес-бенц» Адольфа Гитлера медленно ехал мимо дворца Шенбрунн к отелю «Империял» в самый центр Вены [1]. Сорокавосьмилетний родной сын возвращался, чтобы покорить город и страну, которые некогда сами покорили его. Двадцать пять лет тому назад Гитлер бездомным бродягой слонялся по улицам Вены, голодным мечтателем сидел на скамейке в общедоступных парках Шенбрунна, через десять лет попал в немецкую тюрьму по обвинению в государственной измене, но к весне же 1938 года сделался непререкаемым диктатором обеих стран.

Во дворце Шенбрунн и в самой Вене когда-то жили члены дома Габсбургов, правители империи, которая раскинулась не только по Европе, но и по всему миру. Ненависть Гитлера к Габсбургам и их представлениям о будущем многонациональной Европы стала двигателем его по-фаустовски стремительного, головокружительного восхождения к власти.

В тот день элегантному кабриолету Гитлера не нужна была защита в виде пуленепробиваемых стекол или бронированного кузова. Всего несколько часов назад его армия численностью в сто тысяч человек без единого выстрела вошла в его родную Австрию [2]. Под громовые приветственные крики он стоял сурово, неподвижно и ловил взоры страны и всего мира. С самого детства заветной мечтой Гитлера было соединить Австрию с Германией и уничтожить все, что воплощала для него империя Габсбургов. То, что произошло потом, выросло из этого двуединого устремления. В тот обманчиво теплый мартовский вечер половины своих целей он уже достиг. Ценой достижения второй половины стали миллионы жизней и уничтожение чуть ли не всей Европы.

К услугам Адольфа Гитлера был любой роскошный венский дворец, но он выбрал отель «Империял». Туда его тянуло как магнитом [3]. Два десятка лет назад, когда он, несостоявшийся студент художественной академии, докатился до того, что зарабатывал уборкой снега на ступенях именно этого отеля, его жизнь разделилась на «до» и «после». То был торжественный прием в честь наследника габсбургского престола эрцгерцога Карла и его супруги, эрцгерцогини Зиты. Когда Гитлер триумфатором вернулся в отвергший его город, со своим окружением он поделился лишь одним воспоминанием о пяти прожитых в Вене годах, которые решили его участь, и вспомнил именно тот люто холодный вечер [4]: «В вестибюле сияли огнями люстры, но я понимал, что мне попасть туда совершенно невозможно. Как-то вечером ужасная метель нанесла высоченные сугробы, а значит, я мог заработать на еду уборкой снега. И надо же: человек пять-шесть из нас послали чистить мостовую как раз перед отелем “Империял”. Я увидел, как Карл с Зитой выходят из императорской кареты и по красной дорожке величественно

шествуют к дверям. Мы, бедолаги, старательно раскидывали снег и сдергивали шапки каждый раз, когда подкатывали аристократы. Они даже не удостоивали нас взглядом, а я и теперь помню запах их духов. И для них, и для всей Вены мы значили куда меньше снега, который валил тогда всю ночь: отель даже не удосужился выставить нам хотя бы чашку кофе. Тогда-то я и решил для себя: настанет день, я вернусь в отель “Империял” и по красной дорожке войду в тот сверкающий зал, где сейчас танцуют Габсбурги. Я не представлял, когда и как это может случиться, но ждал этого дня, и вот я здесь» [5].

Слушатели как замороженные рукоплескали рассказу о человеке, когда-то никому не известному, но сумевшему перевернуть мир вверх тормашками. Мало кто в истории так стремительно поднялся с самого низа на самый верх. В тот вечер, когда Адольф Гитлер присоединял свою мать-Австрию к своей мачехе-Германии, он вынашивал планы не торжества, а мести. Он мстил не Карлу, умершему в 1922 г., и не Зите, которая жила в эмиграции в Бельгии. Он нацеливался на сирот эрцгерцога Франца-Фердинанда, убийство которого в 1914 г. запустило маховик Первой мировой войны. Незадолго до прибытия Гитлера в отель оттуда спешно съехал старший сын эрцгерцога герцог Максимилиан Гогенберг вместе с женой и пятью детьми [6].

Уже через несколько часов после возвращения Гитлера в Австрию положение герцога должно было круто измениться: человека, олицетворявшего собой государство, нужно было объявить его врагом и из дворца, где он жил, препроводить в нацистскую тюрьму. С вершин он упал столь же стремительно, как к ним поднялся Гитлер. Вместе со своим окружением фюрер составил список нескольких тысяч австрийцев, подлежащих ликвидации. За несколько недель арестовали семьдесят девять тысяч человек, но аресты, депортации в Германию и заточения в Дахау гестапо

начало вовсе не с евреев, не с чехов и не с иммигрантов, которых Гитлер просто не выносил и всячески демонизировал. Первыми двумя австрийцами, которых Гитлер приказал арестовать вечером в день своего величайшего триумфа, стали Максимилиан и Эрнст Гогенберги, сыновья Франца-Фердинанда [7]. Герману Герингу и Генриху Гиммлеру он велел действовать без всякого снисхождения, на что два вечных соперника охотно согласились [8].

После захвата Австрии Гитлер дал гестапо еще более тайное задание. Нужно было помочь выехать в США врачу-еврею, который лечил смертельно больную мать Гитлера в последние годы ее жизни [9]. Два офицера-еврея, его сослуживцы по Первой мировой, тоже оказались под его личной защитой [10]. Как и доктор, они получили возможность избежать холокоста, вскоре развязанного Гитлером против евреев Европы. Печально известный антисемитизм Гитлера был избирательным, но вот сыновей Франца-Фердинанда фюрер не пощадил. В этой ненависти было куда больше личного, чем в неприязни к их покойным родителям или отвращении к миллионам невинных, которые должны были умереть во имя его.

Но даже когда об аресте братьев Гогенберг кричали все заголовки в Европе и Америке, женщины, любившие их, не собирались сдаваться [11]. Добиваясь освобождения, жены, сестра, другие женщины, которые им сочувствовали, повели беспрецедентную партизанскую войну против нацистов в Вене, Праге и Берлине. С Гитлером и его гестапо боролись ум, сила и стойкость женщин; ими двигала любовь точно так же, как нацистами — ненависть.

Семена вендетты Адольфа Гитлера против исчезнувшей империи Габсбургов, покойного эрцгерцога и его детей-сирот были посеяны гораздо раньше встречи с Габсбургами в метельный вечер у отеля «Империал».

Незадолго до того, как Гитлер появился на свет в приграничном австрийском городке Браунау-ам-Инн, кронпринц Рудольф, тридцатидвухлетний обаятельный наследник престола Габсбургов, или сам наложил на себя руки, или был убит. Неуклюжее заявление правительства только напустило тумана. Посол Англии выразил общее мнение: «Все здесь загадка, загадка и загадка!» [12] Империя Габсбургов, почти шесть веков самый важный винт в жизни Центральной Европы, так и не оправилась от этого потрясения [13]. Рудольф был единственным сыном императора Франца-Иосифа. Ни дочь, ни родственница не могли наследовать престол. Для заполнения опасного вакуума императору не оставалось ничего другого, как назначить преемником своего старшего племянника эрцгерцога Франца-Фердинанда [14]. Это был непопулярный выбор. Эрцгерцога все считали чуть ли не живым мертвецом, хилым интровертом, и никто не ждал, что он проживет долго. Популярный кронпринц исчез с общественной сцены внезапно, и Франц-Фердинанд волей-неволей взялся за роль, не подходившую складу его личности [15]. Стефан Цвейг, прославленный австрийский прозаик, отмечал: «Францу-Фердинанду не доставало именно того, без чего в Австрии невозможна подлинная популярность: личного обаяния, человеческой привлекательности и внешней обходительности»¹ [16].

Никто и не думал, что этот мало кому известный, шуплый, полуживой эрцгерцог, который появился на свет в отдаленном от Вены съемном дворце, когда-нибудь станет императором [17]. Его собственная мать чуть не отказалась от хилого отпрыска. Он еле дышал, а она кричала:

---

¹ Цит. по: Цвейг С. Вчерашний мир. [Воспоминания европейца] / Пер. с нем. Г. Кагана; Предисл. Д. Затонского. М.: Радуга, 1991. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

«Унесите его! Если он не жалец, я не хочу его видеть!» [18] Так его и отвергали потом всю жизнь. Неважное здоровье, неважные оценки в школе, нервный нрав и сильная раздражительность сделали Франца-Фердинанда самым непопулярным Габсбургом своего поколения. В семье, известной способностями к иностранным языкам и мастерской верховой езде, он еле-еле освоил и то и другое, не имея ни личной, ни физической привлекательности своего кузена Рудольфа, гибель которого глубоко потрясла всех [19]. Габсбургского во Франце-Фердинанде только и было что пронзительный взгляд синих глаз, но и тот многие находили непроницаемым.

Но за этим взглядом и невыигрышной внешностью таился незаурядный ум и такое представление об Австрии и Европе, какого не было ни у одного государственного деятеля. Наследник был вооружен довольно едким чувством юмора и немалым обаянием и пускал их в ход по своему усмотрению. Но и сам он, и вся Австрия оказались в мрачной тени покойного кронпринца [20]. Мало кого из знаменитостей того времени так любили и превозносили, мало кем очаровывались так, как Рудольфом. Некоторые даже считали, что бремя больших ожиданий оказалось ему не по плечу, пододвинуло к грани безумия и стало причиной преждевременной смерти. Потрясение, скандал и пустота, последовавшие за ней, уж точно не облегчали жизнь Франца-Фердинанда [21].

Покойный отец Адольфа Гитлера, Алоиз, ярый сторонник Габсбургов, почитал престарелого Франца-Иосифа так же пламенно, как молодое поколение почитало Рудольфа [22]. Сколько он себя помнил, Франц-Иосиф сидел на престоле [23]. Его императорское и королевское апостолическое величество правил с 1848 г., пережив пятых наследников [24]. В новом, стремительно менявшемся мире он воплощал собой устойчивость и постоянство [25].

Вся карьера таможенного чиновника Алоиза Гитлера прошла в бюрократических лабиринтах габсбургского Министерства финансов, и на его жизненном пути это было единственное достижение [26]. Весьма опосредованная связь с императорской династией не мешала этому человеку быть надменным тираном на работе и суровым мучителем дома [27].

День тезоименитства Франца-Иосифа был для Алоиза почти религиозным праздником; баки он стриг точно так же, как «его высший повелитель император», и постоянно унижал, дразнил и избивал своих детей [28]. Но те люди и ценности, которым поклонялся Алоиз Гитлер, не существовали для его сына Адольфа. Еще младшим школьником Гитлер обрел родственную душу в своем любимом учителе. Доктор Леонард Петш, махровый расист, фанатичный германский националист, все время зло вышучивал Габсбургов и их многонациональную империю. Потом Гитлер писал о Петше, что его красноречие не просто зачаровывало, а буквально заставляло забывать о себе. Именно тогда, по словам Гитлера, он сам стал революционером.

На самом деле было не совсем так: Гитлер бунтовал уже в начальной школе. Он задирали других детей и постоянно препирался с преподавателями Закона Божьего, особенно с отцом Салиасом Шварцем. Католическую церковь с ее бесчисленными ритуалами и Габсбургскую монархию времен его детства большинство австрийцев воспринимали как единое целое. Отец Шварц учил: «В сердце у тебя должны быть идеалы нашей возлюбленной страны, нашего возлюбленного дома Габсбургов. Кто не любит императорскую семью, тот, значит, не любит церковь, а кто не любит церковь — не любит Бога». Гитлер только хохотал в ответ. Тогда-то священник и сказал его матери, что ее сын — «погубленная душа» [29]. Как и многие австрийцы,

Адольф Гитлер, революционер, не веривший в душу, полагал, что революция невозможна, пока жив престарелый император. И реформаторы, и революционеры были убеждены: перемены наступят только тогда, когда Франц-Иосиф уйдет вслед за сыном и упокоится на императорском кладбище Вены рядом со своими ста двенадцатью предками. Даже сам император в душе опасался, что после него разразится революция, и не считал своего племянника Франца-Фердинанда способным ее предотвратить. Гитлер страшился противоположного. В эрцгерцоге он видел человека, который мог бы *разжечь* революцию, раздав немецкую Австрию ее же этническим меньшинствам, а это было полностью противоположно его взглядам [30].

После смерти Рудольфа Франц-Фердинанд мало говорил, в каком направлении он двинет величайшую многонациональную империю Европы¹, но брак, заключенный им в 1900 году, кое-что прояснил. Чистокровный Габсбург мог бы жениться на принцессе-немке из любого королевского или императорского дома Европы. А он остановил свой выбор на славянке, чешской графине, которая для убежденного расиста Гитлера была унтерменшем, недостойным звания человека опасным даром крупнейшего этнического меньшинства империи [31]. Для него этот брак был настоящей мерзостью, доказательством все более сильного ухудшения породы, вырождения, ассимиляции, угрожавшей австрийским немцам. Еще больше Гитлер негодовал, что эрцгерцог с семьей предпочитал жить подале от Праги, в богемском имении жены, а не в любом из множества своих австрийских дворцов [32]. В глазах Гитлера Франц-Фердинанд был предателем своих герман-

---

¹ Автор, по-видимому, не причисляет к европейским Британскую и Российскую империи, которые в начале XX века превосходили Австро-Венгрию Габсбургов в отношении числа входивших в них народностей.

ских корней, излишне терпимым к этническим и религиозным группам, отравлявшим Австрию [33].

Шесть веков Габсбурги увеличивали свою империю не только при помощи прусских мечей и войн, которые доктор Петш превозносил на своих уроках, но и в брачной постели [34]. Результатом стали двенадцать очень разных национальностей, сотни этнических групп, бесчисленные религиозные традиции, а в целом более пятидесяти миллионов человек под скипетром Франца-Иосифа. Ни одна другая империя на земном шаре не была столь неоднородна [35].

Как главу государства дядю Франца-Фердинанда приветствовали более чем на дюжине языков в тысячах классов по всей Центральной Европе. Для австрийцев он был императором, для Венгрии, Богемии, Хорватии, Словении, Далмации и Галиции — королем, для Кракова — великим князем, для Трансильвании — великим герцогом, а для Лотарингии, Зальцбурга, Штирии, Каринтии, Силезии и Модены — герцогом правящим [36]. Титулы, история, традиции, семейные связи и личная преданность Францу-Иосифу сделали «лоскутное одеяло» Габсбургов одной из крупнейших, богатейших и сильнейших империй на Земле. Гитлер ненавидел открытые границы и разнообразие, которые превозносили Франц-Иосиф и Франц-Фердинанд. Для него иммигранты были чем-то вроде рака, который пожирает его будущее и уничтожает Австрию. Их достижения уязвляли его потому, что мечты о карьере художника или архитектора рассыпались в прах. Именно в годы жизни в Вене он пришел к твердому убеждению: иммиграция поглощает и уничтожает немецкий народ, язык и культуру. На взгляд Гитлера, смешение рас, культур, языков и религий было чревато маргинализацией немецкого населения Австрии, превращением его в меньшинство в своем же собственном доме [37]. Сосед по комнате Ав-

густ Кубичек вспоминал: «Его гнев обернулся против самого государства, против этой мешанины из десяти или двенадцати или бог знает скольких народов, против этого монстра, созданного браками Габсбургов»¹ [38].

Вена времен Габсбургов лишняя раз убеждала Гитлера, что лишь политическое потрясение или война спасут немецкую Австрию от наплыва иммиграции и ассимиляции. Император Франц-Иосиф, казалось, в упор не видел опасности, но, по крайней мере, его женой была немка, настоящая принцесса из Баварии. Франц-Фердинанд, его непопулярный наследник [39], женившись на графини-чешке, стал для Адольфа Гитлера самым ненавистным из Габсбургов [40]. За много лет до того, как снедавший его антисемитизм открыто проявился в Вене, именно на одноклассников-чехов, а вовсе не на евреев он со всем пылом молодости изливал свое презрение. Брак эрцгерцога подтверждал его худшие подозрения: Франц-Фердинанд и его чешская жена, по мнению Гитлера, стояли за славянизацией, маргинализацией и разрушением немецкой Австрии.

Эрцгерцог происходил из консервативного, приверженного традициям семейства, поэтому от него не ждали реформаторских, а уж тем более миротворческих настроений. Он был, что называется, «военная косточка» и печально прославился тем, что в своих путешествиях по четырем континентам истребил тысячи животных² [41]. Но представление о мире и план его достижения у него

---

¹ Цит. по: *Кубичек А.* Фюрер, каким его не знал никто. Воспоминания лучшего друга Гитлера, 1904–1940 / Пер. Л.А. Карловой. М.: Центрполиграф, 2009/2011. Гл. 10.

² Охота во все времена была привилегией монархов, и вряд ли последний российский император убил на охоте меньше зверей и птиц. Более того, рубеж XIX и XX веков стал временем особой популярности тропической охоты в колониальных владениях европейских держав.

все-таки были. Эрцгерцог, один из немногих членов правящих домов, побывал в Америке. В этническом разнообразии этой страны он увидел залог ее силы, глубоко изучил американскую федеральную систему, по достоинству оценил гений ее создателей и вместе с женой тесно подружился с американской семейной парой [42]. Вот что он собирался сказать в своей коронационной речи:

Мы желаем с равной любовью обращаться со всеми народами монархии, всеми классами и всеми официально признанными религиозными верованиями. Высоко или низко стоит человек, беден он или богат — каждый будет считаться равным перед престолом... Так как все люди под нашим скипетром будут иметь одинаковые права участия в общих делах всей монархии, им будет гарантировано национальное развитие в рамках интересов, общих для всей монархии, и всем национальностям, всем классам, представителям всех занятий (если они еще не обладают ими) будут дарованы справедливые избирательные права для защиты своих интересов [43].

Многолетний советник эрцгерцога писал: «Нечто во Франце-Фердинанде поднимало его над всеми Габсбургами, в том числе и над старым императором; он отказался от традиционных путей... сам брался за решение проблем... рассматривал новые вопросы... обращался к компетенции и опыту, где бы ни находил их: в своей канцелярии или за ее стенами» [44].

За пределами Австрии многие видели во Франце-Фердинанде воплощение желанного мирного будущего. Среди этих многих был и император Германии, любимейшей страны Адольфа Гитлера. Принцесса Виктория-Луиза, дочь кайзера Вильгельма II, писала, что ее отец недоумевал, как это многие австрийцы не понимали, насколько

мудр был курс Франца-Фердинанда на религиозную и политическую терпимость, чтобы «различные нации» его «многонационального государства» встретились хотя бы «на полпути» [45].

На другом берегу Ла-Манша Уильям Кавендиш Бен-тинк, герцог Портлендский, член Тайного совета правительства Великобритании и кузен королевы Марии, писал о своем австрийском друге:

С 1900 по 1910 год в стране не прекращалась борьба, и эрцгерцог выдержал нешуточную схватку, чтобы омолодить государство... постепенно его идеи возобладали в Австрии, и он нашел пламенных сторонников, готовых перестроить старое государство так, чтобы каждая нация в своих границах получила «место под солнцем»... единственной целью его жизни был мир, а величайшей радостью — украшение всего, к чему он прикасался. Он всегда стремился повысить уровень жизни всех своих подданных и установить мир в стране, справедливо обращаясь со всеми и каждым [46].

Франц-Фердинанд был не идеалистом, но реалистом, то есть осознавал, что за подъемом волны национализма может последовать всплеск волнений на национальной почве, а там и *Rassenkrieg* — разрушительная война рас, которая столкнет между собой этнические группы и покончит не только с империей Габсбургов, но и со всей Европой.

Жизнь Гитлера в Вене убедила его, что такая война не только неизбежна, но очистительна и желательна [47]. Он полагал: чем раньше она начнется, тем лучше. Только после уничтожения Австрии Германия, освободившись от иностранного влияния и достигнув пика своего величия, сумеет, по его мнению, уничтожить, поработить и искоренить тех, кого он считал исчадием ада. Когда Гитлер

узнал, что 28 июня 1914 г. эрцгерцог пал жертвой злодейского политического убийства, то упал на колени, возблагодарил Бога и разрыдался от счастья. Тогда почти никто и не думал, что это событие послужит искрой для большой войны, но Гитлер не сомневался: она уже не за горами [48]. Он верил, что смерть миротворца, которого он ненавидел больше, чем всех остальных, была неизбежной. Война разразилась ровно через месяц, точно в час убийства.

2

Художник, эрцгерцог, император

Тссс! Не шумите. Император умер, просто сам он этого еще не знает.

Шутка, популярная в Вене в начале XX в.

Мое тяготение к Вене непреодолимо, но я знаю все ее омуты.

Зигмунд Фрейд

В 1907 г. восемнадцатилетний недоучка Адольф Гитлер сел в поезд в своем родном городе Линце [1]. Имперская Королевская железная дорога Австрии работала быстро и эффективно, но его поезд еле тащился. Он был товарный, смешанный; на него грузили и с него разгружали молоко и продукты; в него садились и с него сходили жители городков и деревень, расположенных по берегам извилистого Дуная. Гитлер не торопился. С собой у него было несколько чемоданов книг, а в голове — мечты о блестящей карьере художника или архитектора. Он нисколько не сомневался, что в столице могущественной империи Габсбургов его ждет успех [2].

За восемьдесят километров до Вены поезд ненадолго остановился в небольшой деревне Пехларн. Рядом, на холме, высился замок Артштеттен, где прошли детские годы сорокатрехлетнего эрцгерцога Франца-Фердинанда д'Эсте, наследника королевского и императорского престола Габсбургов. Из окна вагона третьего класса Гитлеру не было видно ни эрцгерцога, ни его величественного

жилища. Правда, неистовый хозяин редко бывал там. Ему не сиделось на месте; в век скоростей он любил скорость и, будучи традиционалистом, приветствовал все современное [3]. Автомобили на газе, электричестве и паре соревновались в быстроте. Не случайно одно время шофером Франца-Фердинанда был Фердинанд Порше, который установил множество европейских рекордов и сконструировал первый гибридный бензино-электрический автомобиль [4].

В новые времена вписывались далеко не все. С точностью старинных, хорошо отлаженных часов ровно в семь утра легендарный император Франц-Иосиф выезжал из дворца Шенбрунн в пригороде Вены. По главной торговой улице Марияхильферштрассе он направлялся во дворец Хофбург, где исполнял свои обязанности, а в половине пятого возвращался в Шенбрунн, где родился семьдесят семь лет назад. Там он допоздна читал донесения и подписывал бумаги [5].

Восемь тщательно подобранных белоснежных лошадей везли его зеленую с золотом карету. У каждой была величественная стать, и держались они очень прямо, почти как сам император. Франц-Иосиф со своим конным выездом был картинкой из прошлого века. С немалым трудом британский монарх Эдуард VII уговорил императора Австрии один-единственный раз в жизни проехать в автомобиле. Об этом рискованном событии, приключившемся в 1908 г., Франц-Иосиф якобы выразился так: «Одна вонь, а кругом ничего не видно» [6]. Если это правда, то перед нами редкий пример, когда Франц-Иосиф высказался откровенно, сбросив маску, которую он носил на публике.

Монарх, окруженный необыкновенной помпезностью, церемониалом и этикетом своего двора, воплощал идеал дедовских времен: устойчивость, постоянство, непрерывность [7]. Его образ тщательно и виртуозно выстраивался

ведомством императорского дворца. Пожалуй, только это и было в нем современным. Монархический «фасад» позволял старейшему правителю упорно соблюдать привычное расписание и почти шестьдесят лет удерживать власть. Либеральный реформатор Йозеф-Мария Бернрайтер из ближнего круга Франца-Фердинанда, похоже, выразил досаду эрцгерцога, когда писал: «Мощный пульс новой жизни ухо императора воспринимало как тихий, отдаленный шелест... Он больше не понимает времени, а оно идет себе и идет...» [8]

Ритмы жизни Франца-Иосифа и его беспокойного племянника и наследника совершенно не совпадали. Когда Франц-Фердинанд бывал в Вене, огромный автомобиль австрийской марки «Граф унд Штифт», чуть ли не кренясь на поворотах, мчал наследника по гравиевой аллее дворца Шенбрунн из соседнего дворца Бельведер, где располагались его личные покои и канцелярия [9]. Контраст между императором и эрцгерцогом видели все без исключения. Казалось, в жилах у одного текла ледяная вода, а у другого — пылающая нефть. Пар, который получался при столкновениях, не давал им ясно видеть и понимать друг друга.

Итак, Гитлер прибыл в Вену. От умершего отца он унаследовал немного денег и снял убогую крошечную комнатушку в набитой до отказа ночлежке в самом центре города [10]. Совсем рядом была роскошная улица Рингштрассе; в северной части города располагался дворец Франца-Иосифа Хофбург, в котором было 2600 комнат, в южной — дворец Шенбрунн и его парк, в восточной — дворец Франца-Фердинанда Бельведер. Музеи, парк, театры, величественные здания и великолепные памятники — до всего можно было без труда добраться пешком.

От Габсбургов в Вене некуда было деваться. Первая же открытка, которую Гитлер отослал домой своему един-

ственному другу Августу Кубичеку, изображала знаменитые Карлсплатц и Карлскирхе — площадь и церковь, названные в память давно умершего императора из этой династии. На обороте Адольф написал: «Мне все представляется очень красивым» [11]. Потом, при встрече, он признавался Августу: «Я часами мог простаивать перед оперой, подолгу глазел на парламент; весь бульвар Ринг для меня был как картинка из “Тысячи и одной ночи”» [12].

Поначалу его очаровал этот город-космополит. В своем ближнем нацистском кругу Гитлер так вспоминал о Вене времен Габсбургов: «Там мирно соседствовали ошеломительное богатство и самая отвратительная бедность. В центре и на окраинах живо ощущался пульс государства с населением пятьдесят два миллиона человек, вся таинственная магия плавильного котла наций. Ослепительный блеск двора как магнитом притягивал богатых и умных из всех уголков страны. Но габсбургскую монархию отличала строгая централизация. Только она и могла придать какую-то определенную форму этому сборищу разных наций» [13].

Пожалуй, на заре XX столетия из европейских мегаполисов именно Вена сильнее всего притягивала мыслителей, художников и различных дельцов. Ее называли своим домом начинающие психологи Зигмунд Фрейд и Гермина Хуг-Хельмут, популярный прозаик Стефан Цвейг, благотворительница Адель Блох-Бауэр, композитор Густав Малер, светская аристократка Анна Захер, не расстававшаяся с сигарой, и Берта фон Зутнер, первая женщина, удостоенная Нобелевской премии мира. В одно и то же время там жили отец сионизма Теодор Герцль, кинорежиссер Фриц Ланг, певица и актриса Лотте Ленья, изобретатель и кинозвезда Хеди Ламарр, революционеры Иосип Броз Тито, Лев Троцкий и Иосиф Сталин [14]. Австрийцы хвастились, что современный мир родился в Вене.